

УШАКОВ М. И.
Студент IV к. Истфака

КЫШТЫМСКОЕ ВОССТАНИЕ 1822—1823 гг.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ¹

Ровно 115 лет тому назад, в конце 1822 года и в начале 1823 года, началось широкое, массовое восстание заводских рабочих и крестьян на Урале — в Кыштыме, расположенном на пути из Челябинска в Екатеринбург (нынешний Свердловск). Восстали заводские рабочие на Нижне-Кыштымском и Верхне-Кыштымском, на Каслинском и Нязе-Петровском заводах, которые принадлежали купцу Расторгуеву.

Это был купец-делец, искатель легкой наживы, дарового труда, каких на Урале было в то время много.

Урал того времени таил в своих недрах неисчислимые природные богатства, которые в соединении с даровым трудом крепостных давали огромные прибыли заводчикам-крепостникам. На его обширных просторах со времен Петра Великого прочно утвердилась посессионная промышленность, основанная на даровом труде приписных к заводам крепостных крестьян.

Оформленного пролетариата, в то время еще не было.

Это было время, когда крепостнические отношения в России, достигнув своего зенита, опутав все сферы хозяйственной жизни, стали заходить в тупик; в недрах феодально-крепостнического общества стало проявляться развитие новых, капиталистических отношений.

На Урале ростки нового общества еле-еле просачивались, не размывая давно сложившегося старого крепостнического уклада.

Однако, каждый год приносил все новые и новые доказательства невыгодности крепостнического труда. Всюду машинами вольно-наемный труд прокладывали себе дорогу, выбрасывая на рынок более дешевые и хорошего качества товары.

В этих условиях уральские заводчики-крепостники могли выйти из положения за счет еще большего усиления крепостни-

¹ Настоящая статья т. Ушакова — результат работы в специальном семинаре по Истории народов СССР, руководимом проф. С. В. Юшковым. В разработке материалов принимали участие студенты IV к. истфака тт. Золотавина, Симонова, Завьялов, Денисов, Ячменев, Пырьев. Общая редакция статьи принадлежит проф. С. В. Юшкову.

ческого гнета. Но этот путь мог привести к взрыву старых, прогнивших отношений снизу, к народному восстанию. Правительство хорошо понимало затруднительность положения и стремилось путем проведения некоторых реформ подновить старые отношения и тем самым недопустить взрыв снизу. С этой целью в 1807 г. император Александр I издал указ „о неперменных работниках и приписных крестьянах“, по которому заводские рабочие и крестьяне должны своевременно получать продовольствие, провиант для лошадей, вачеги и т. д.

Но заводчики-крепостники и этот указ, незатрагивающий крепостнических устоев, не считали нужным проводить. Все оставалось по старому; ярмо крепостничества продолжало лежать тяжелым бременем на плечах рабочих и крестьян Урала. Рабочие или „мастеровые“, как их называли царские чиновники, работали на заводах от зари до зари, так как определенно установленной длины рабочего дня не было. Они должны были выполнять очень высокую норму (например по жжению угля или по перековке железа), которая была невыполнимой.¹

За невыполнение нормы заводские смотрители накладывали большие штрафы и очень часто подвергали рабочих физическим наказаниям.

Так приказчик Нязе-Петровского завода Сырейщиков в 1820 году кричного мастера Зотова таскал за волосы к фабрике за недоделанный конец полосы. Другой кричный мастер Цыпин показывал на следствии, что „приказчик Сырейщиков назад тому годов шесть наказывал его в Сорокинской пристани розгами за малый привоз на своих лошадях железа“. Так наказали и рабочего Гусева без всякой вины, когда он привел ковать своих лошадей к заводской кузнице,— он был избит розгами до беспомощности. За постоянно чинимые истязания приказчик Сырейщиков даже опасался за свою собственную жизнь и благо-разумно скрылся.

Точно такое же самоуправство было и на Каслинском заводе, где особыми зверствами прославился приказчик Алферов, который за самовольную отлучку женщин во время полевых работ привязывал их к стремянам своей лошади, ядил их по жительству и бил нагайкой. Наказывали рабочих и в том случае, если они вместо себя на заводскую работу нанимали работника. Тот же самый приказчик Алферов за наем работника бил однажды рабочего Куприянова руками по голове и палкой по спине.

За каторжный труд на заводах рабочие получали мизерную плату. Так, например, за подвозку угля на своих лошадях рабочим платили по 4 коп. с версты. Однако, и эту мизерную плату рабочие не получали на руки. Иногда у рабочих вся заработная плата уходила на штрафы, которые они платили за невыполнимые нормы. А если и рабочему причиталось что-нибудь, то он мог обратиться в заводскую лавку и там получить по дорогой цене продукты и товары. Так, например, рабочий Ходов должен

¹ Поэтому рабочие в ходе восстания будут требовать „законной“ нормы, установленной правительством.

был выжечь и привести на своих лошадях 90 коробов древесного угля. по 70 коп. с короба. Но поскольку ему был отведен березовый лес, то он сумел выжечь только 65 коробов. За это с него был вычет. За причитающиеся ему 26 руб. он получил медом — 1 п. 8 ф. по 55 коп. за фунт. По надобности в деньгах мед им был продан по 40—45 коп. за фунт.

Рабочих на каждом шагу обсчитывали приказчики и смотрители, так как у рабочих не было никаких расчетных листков и они не знали сколько зарабатывали. Целыми годами рабочие не получали зарплаты. Так на июнь месяц 1822 года у рабочих за конторой числилось 14467 руб. долга.

Кроме заводских работ, рабочие обязывались под видом помочей совершенно бесплатно поставлять для заводских лошадей с каждого работника по 10 пудов сена и с каждой посеянной десятины по 5 пудов хлеба.

Положение заводских рабочих резко ухудшилось в 1821—22 гг., когда заводская контора, которая снабжала рабочих хлебом, не запасла во-время продовольствия.

Весь запас хлеба составлял только 543 пуда. Поэтому заводская контора прекратила всякую выдачу рабочим хлеба, и они вынуждены были покупать хлеб у спекулянтов по дорогой цене 2 р. 50 к. за пуд. По донесению берг-инспектора Булгакова у рабочих не хватало денег даже „на покупку одного сухого хлеба, неговоря уже о других жизненных потребностях, отчего по неимению соли, даже квасу, они изнурены до последней возможности“.¹ Продовольственные затруднения резко пошатнули жизненный уровень „мастеровых“, так как они были весь день заняты на заводе и не имели достаточного времени для обработки своих полей и уборки сена. Они не имели даже возможности заниматься рыболовством, потому что заводское начальство не разрешало ловить рыбу в прудах и озерах. Эти продовольственные затруднения и явились непосредственной причиной к открытому восстанию.

В наилучшем положении находились и приписные крестьяне окрестных деревень и сел (Рождественское и Воскресенское), которые были обязаны подвозить к заводам древесный уголь, рубить дрова и т. д. Они были крестьянами только по названию, так как не имели достаточного времени для занятий сельским хозяйством. На крестьян точно также накладывалась большая норма. Так, например, крестьяне села Рождественского должны были на полного работника вырубать дров, склать их и выжечь с поставкою в завод по 75 коробов угля с оплатой по 70 коп. с короба. В случае невыполнения этой нормы с них брали штраф по 2 р. за короб. В мае 1822 года они подали жалобу заводскому исправнику Рязанову на купца Расторгуева, который, как они писали, „первобытное их состояние переменял и против силы закона к человечеству несоответственные возложил отягощения“.² Они также жаловались и на непосильную работу,

¹ Дело берг-инспектора, № 6, лист 16.

² Дело № 1, „Сдаточный“, лист 993.

возлагаемую на женщин, которые за 15—20 к. в день должны были работать в рудниках на расстоянии 40—70 верст от своего села. Сверхурочно крестьяне должны были бесплатно весной вырубать и вывозить по 1½—2 сажени квартирных дров. Крестьяне жаловались, что „гоняют их под видом названной помочи на сенокосение и уборку онога на господские покосы и держат там по неделе и по две, а иногда и с лишним, и на их при том содержании без всякой за то платы“.¹ Крестьяне далее жаловались, что „так они весь год в работе и не видят солнца и себе справедливого роздыха“.²

Насколько далеко заходила власть заводчика над крестьянами красноречиво говорят рекрутские наборы. Крепостники-заводчики имели даже право отдавать крестьян в солдаты и некоторых из них за приличное вознаграждение в 500 руб. освободить от солдатской службы на 5—6 лет.

Таким образом, положение крестьян ничем не отличалось от положения крепостных рабочих. Доведенные до голодной смерти, они совместно подняли знамя борьбы со своими притеснителями.

УКАЗ О ВЫСЕЛЕНИИ 98 ЧЕЛОВЕК

Первой формой проявления недовольства явилась подача рабочими множества различных жалоб на своих притеснителей. Так, в Январе 1822 г. рабочие Нязе-Петровского завода, не добившись никаких уступок со стороны заводского исправника Рязанова, выбрали из своей среды 250 чел. для принесения жалобы. Все они отправились из Нязе-Петровска в Кыштым, где находилась главная контора заводов, но были в селе Потапинском Рязановым уговорены и вернулись обратно. Однако, когда рабочие не получили обещанных уступок от Рязанова, они собрались и снова отправились в Кыштым в колич. 104 челов. Рабочие еще были уверены в мирном исходе борьбы за улучшение своего безвыходного положения, стараясь своими жалобами убедить начальство.

Еще в начале марта 1822 г. около 200 человек рабочих отправились из Кыштыма в Екатеринбург с жалобой на Расторгуева; они требовали снижения непосильных норм и своевременного снабжения продовольствием и провиантом. Однако, до города сумели дойти только 54 человека. Остальные поддались уговорам начальства и вернулись обратно. Ушедшие же в Екатеринбург 54 человека были там арестованы, а через три дня были в сопровождении чиновника и 3-х военных служащих отправлены обратно в Кыштым. Когда они вернулись, то в Кыштыме у них описали все дома, скот, птицу и т. д. И только лишь для „успокоения“ одной семье начали выдавать хлеб. Тогда рабочие еще раз решили отправиться в Екатеринбург в колич. 102 человек. Там они сразу же были посажены в острог, а затем отправлены работать на Монетный двор до особого распоряжения.

¹ Дело № 1, „Слаточный“, лист 993.

² Там же.

Об уходе этих 102 человек было донесено комитету министров, который в июне 1822 года, рассмотрев это донесение, издал указ за подписью его величества. По этому указу предлагалось:

„1) Главных зачинщиков: Косолапова, Дайбова, Устинова и Рыбина передать суду, поступить с ними по всей строгости законов.

2) Остальных — 98 человек, уходящих в Екатеринбург самовольно, следуя приемам полицейского исправления, наказать палками, дав каждому по 25 ударов. А потом их с семьями водворить на казенные Богословские заводы, где в мастеровых недостаток“.¹

Привести в исполнение этот указ было поручено новому заводскому исправнику Щудрову и членам Земского суда (Головину и др.), которые вместе с военной командой должны были немедленно выехать в Кыштым. Прибыв на заводы, Щудров стал настаивать на исполнении указа о наказании и выселении на Богословские заводы 98 человек. Эти настоятельные требования были последней каплей, переполнившей чашу терпения рабочих, дав начало открытой борьбе кыштымских рабочих и крестьян окрестных сел. Начало восстания положили крестьяне села Рождественского, которые 10 сентября 1822 года отказались выйти на работу по обслуживанию заводов. Видя, что дело начинает принимать серьезный характер, исправник Щудров срочно выехал сам в село Рождественское и попытался уговорить крестьян. Но все эти попытки ни к чему не привели — крестьяне не согласились выйти на работу.

Когда 31 октября Щудров вернулся в Кыштым и попытался провести указ о 98 чел., то к зданию заводской конторы, где остановился исправник, собралась большая толпа „мастеровых“, которые все наперебой требовали повышения платы, корма и упряжи для лошадей, установления определенных условий работы, в противном случае угрожая прекратить всякие работы. Когда исправник, не отвечая на требования рабочих, удалился рабочие ворвались в комнату Щудрова и потребовали его расписаться в том, когда их отпустят с заводов. Толпа разошлась только после того, когда исправник пообещал рабочим выдать фураж из заводской лавки.

Когда в Кыштым прибыла военная команда во главе с унтер-офицером Поповым в составе 20 казаков и 10 рядовых, то Щудров решил силой выполнить указ о 98 человеках. С этой целью все подлежащие выселению на Богословские заводы были вызваны им на площадь около заводской конторы. 6 ноября вся площадь перед заводской конторой была занята народом, большинство „мастеровых“ под полами держали камни, палки и чугунные обломки, подтаскиваемые детьми и женщинами. Когда военная команда попробовала отделить женщин и отправить их домой, то рабочие этого сделать не дали. Как только Щудров появился на площади, „мастеровые“ схватили его за ворот и

¹ Дело берг-инспектора, донесение от 25 сентября 1822 года.

потащили в толпу. Щудрова удалось спасти только солдатам и заводскому священнику. Когда начали зачитывать указ, то по толпе пронесся слух, что этот указ недействителен, так как на бумаге „нет золотых литер“. В ответ на уверения священника о действительности этого указа, Силантий Рыбин заявил, „что если их будут посылать насильно, то они выжгут завод со всех сторон и признака от его пепелища не оставят“.¹

Так выполнить указ о выселении не удалось. Горное правление запросило Оренбургское военное ведомство о посылке дополнительной военной команды. Военной же команде Попова, пока, до прибытия подкрепления, было приказано ограничиться только тем, „чтобы мастеровые не могли чинить буйств“.

В это время большая часть рабочих в Кыштыме прекратила всякие работы и ходила толпами по улицам, на которых боялись показаться Щудров и заседатели суда. Тоже самое происходило и в Каслинском заводе, где приказчик Алферов, опасаясь за свою жизнь, скрылся без вести (впоследствии было установлено, что он убежал в Екатеринбург). Так началось на заводах восстание.

ХОД ВОССТАНИЯ

Царское правительство, как только получило первое известие „о возмущении мастеровых на Кыштымских заводах купца Расторгуева“, сразу же оценило его, как движение серьезное и опасное по своим последствиям. Оно было готово подавить это движение еще в зародыше „мерами военного понуждения“. Но для этого царизм не имел в наличии под рукой достаточного количества войск, которые можно было бы употребить сразу. Войска в то время были заняты покорением Кавказа. Но и те, которые были свободны, при отсутствии жел. дорог не могли быстро быть переброшены на Урал. Кроме того, они нужны были для подавления восстания в аракчеевских военных поселениях. Среди передового офицерского состава возникала масса кружков, которые заложили основу восстания декабристов. В таких условиях произошло восстание в Кыштыме, где рабочие единодушно выступили против выселения 98 человек.

Не нужно забывать, что восстание произошло в то время, когда по всей России господствовали крепостнические отношения, когда вся металлургическая промышленность Урала, который своим высококачественным железом был известен за границей, базировалась на даровом труде крепостных.

Поэтому мы в данном случае будем иметь дело не с промышленным пролетариатом, который в России еще только зарождался, а с крепостными рабочими — крестьянами, еще не выдупившимися из феодальной оболочки. Отсюда проистекает и все своеобразие данного восстания. Кыштымские крепостные рабочие поэтому выступили без всякой четкой политической программы. Во всех их требованиях красной нитью проходит

¹ Дело „О возмущении кыштымских мастеровых“, т. II, лист 214.

одно: нас довели до обнищания и голода, поэтому мы просим „провианта, без которого работать не в состоянии“. Но восстание в Кыштымских заводах несколько отличается от других восстаний, относящихся к данному времени (начало XIX столетия). Рабочие не ограничиваются борьбой за улучшение своего экономического положения. Из вышеизложенного уже известно, что толчком к выступлению рабочих послужило выселение 98 семей на Богословские казенные заводы, являющиеся общепризнанной тюрьмой для уральских рабочих. Кыштымские рабочие воспротивились этому переселению и единым фронтом выступили в защиту своих товарищей. Это было проявлением братской солидарности, которая безусловно являлась еще остатком общинной солидарности крестьян, а не показателем пролетарской солидарности наших дней. Привести в исполнение указ министра финансов о выселении 98 семей не удалось, ибо в Кыштымских заводах не было достаточного количества войск (находилась одна инвалидная команда прапорщика Попова в составе 30 чел.). Этот указ о выселении 98 чел. и о наказании их по 25 ударов рабочие считали недействительным и 16 ноября 1822 г. отобрали его у заводского исправника Щудрова. Указ был взят с определенной целью, чтобы использовать его в качестве обличительного документа для своего оправдания перед лицом высшего начальства, в справедливости которого они не сомневались, считая основным виновником всех бед самоуправство местного начальства.¹

На это указывает и сам Щудров в рапорте Екатеринбургскому земскому суду, что они „указ считают недействительным, который ныне находится в руках их, а у кого именно по настоятельным требованиям не объявили. Хотят яко недействительным представить в начальство, а в какое не объяснили“.

Из этого донесения видно, что рабочие еще не решили, где же это „справедливое“ начальство. Но они скоро убедятся в том, что начальство Пермской губернии им ничего дать не может, а поэтому будут возлагать много надежд на начальство Уфимской губернии. Эти поиски „честного“ и беспристрастного начальства являются показателем патриархальности и темноты крепостного рабочего, которого феодальное общество сковывало по рукам и ногам, не давая ему выбиться в люди. Но рабочие уже тогда понимали, что их успех зависит от того, поддержат или нет их рабочие других заводов. С этой целью рабочие толпами расходились из Кыштымского завода на другие соседние заводы (Уфалейский, Каслинский, Нязе-Петровский, Шемахинский) и брали с рабочих этих заводов подписи, чтобы они прекращали работу и были с кыштымцами заодно. Кыштымские заводы постепенно стали превращаться в центр движения крепостных рабочих почти всей Пермской губернии. Кыштымские рабочие старались привлечь на свою сторону также и крестьян окружаю-

¹ По архивным данным при обыске у руковод. восстан. Климент. Косола-
ва был обнаружены в сундуке ряд документов (в т. ч. и указ императора от
5 Марта 1807 г. о непременных работниках).

щих сел (Рождественское, Воскресенское и др.), которые подвозкой угля и другими работами обслуживали Кыштымские заводы. Об этом Щудров и Головин Екатеринбургскому земскому суду доносили следующее в своем рапорте от 17 ноября 1822 г.:

„Мастеровые намерены неизвестно куда отлучиться, и по вечерам по дороге, лежащей в город Челябину мимо села Рождественского, во многом числе уехали. Для узнания в справедливости отлучки их тогдаж был послан в село Рождественское служитель Василий Шипулин, который возвратившись с смотрителем села Рождественского Ларионом Шипулиным и служителем Андреем Собинаевым бывши в том селе за покупкою хлеба, объявили, что мастеровые Кыштымского завода, приезжая в с. Рождественское около 50 чел. учинили через нарочно наряженных из среды своей по всем деревням в окрестности с. Рождественского повестку, по которой того же вечера собралось крестьян из всех деревень многочисленное количество в квартире главных предводителей бунта Косолапова, Устинова и Щукина к дому крестьянина Василия Глухова, где с вечера и дальше полночи расстраивали, тех с. Рождественского крестьян — быть с ними в единогласие и в том подписаться, уговаривая, что в случае высылки на помянутые Богословские заводы, их защищать и что де они по отобрании подписок пойдут в город Уфу... И затем, сказанные мастеровые в 18 число возвратились в дома свои, и после того каждодневно делают сходбище во многочисленном количестве в доме мастерового Василия Куренкова, который называют „казенною избю“.¹

На самом же Кыштымском заводе восставшие приняли все меры для приостановки заводских работ. С этой целью они производили снятие рабочих с работы и недопущение крестьян, окружающих сел к исполнению служебных обязанностей. Об этом говорит донесение заводского исправника Щудрова от 22 ноября 1822 года:

„Мастеровые по приказу помянутых возмутителей бунта Косолапова, Щукина и Устинова неизвестно по каким причинам сего месяца 20 числа разоставили по всем из Кыштымского завода выездам караулы и никого из онного на господские внешние работы не пропускают. А потом того же числа, прекратив наперед при Нижне-Кыштымском заводе все кричные работы, собрались под руководством сказанных возмутителей, приказали прекратить все работы при Верхне и Нижне-Кыштымских заводах. Остались при своих завятях только одни кузнецы и слесаря. Порозойдении той толпы пустили только три горна“.²

Когда заводская администрация попыталась пустить другие горна и послала заводского надзирателя за мастеровыми, то он их нашел в толпе во главе с Косолаповым и возвратить обратно никак не мог. Наоборот, Косолапов самого надзирателя, как он сам говорит, „втащил в избю, уговаривал быть с ними и гово-

¹ „Дело о возмущении“, т. VI, лист 49—50.

² „Дело о возмущении“, т. V, лист 87.

рил, что он выхлопочет всех 98 семей". Но заводская администрация всеми мерами старалась не допустить полной остановки заводов, прибегая даже к методам индивидуального принуждения. Того же 22 Ноября заводский надзиратель Яков Зайцев в 8 часов вечера для того, чтобы из-за неимения рабочих не остановить горны, послал служителя Шипулина за мастеровым Санниковым. Но Санников ему ответил, что поскольку другие не идут на работу, то и он тоже не пойдет. Тогда к нему на дом пошел сам надзиратель с тремя казаками. Казаки были оставлены на дворе, а надзиратель зашел в избу и стал упрашивать его проработать хоть одну смену. Санникову волеяневолей пришлось согласиться и идти в контору вместе с казаком, где Зайцев заявил ему, чтобы он сидел здесь до вызова на работу. В это время жена Санникова оповестила всех рабочих, которые толпой сбежались к зданию заводской конторы.

Многие остались на дворе, а Архип Косолапов и Власов вошли в контору. Надзиратель заперся в судебной комнате, а Санников был уведен обратно. Таким образом, все старания администрации не допустить остановки заводов ни к чему не привели. Из 10 горнов 7 прекратили свою работу.

К 28 Ноября все заводские работы были окончательно прекращены. Остался работать только один горн, который обслуживался силами самой заводской администрации. Но и работу этого горна рабочие всячески стремились сорвать. 1 Декабря заводский служитель Щукин послал за углем для действующего горна на своей лошади крестьянина Николая Витомского. Когда Витомский приехал с углем на завод, то его окружила толпа рабочих во главе с Архипом Косолаповым. Рабочие начали бить Витомского, а затем отвели его к вождю восстания Климентию Косолапову.

То же самое происходило на других заводах. Каслинская заводская контора доносила Щудрову о действиях своих рабочих, что они „делают угрозы смертельным убийством приказчика Олферова и прочих служителей. Ходят, как днем, а равно и ночью, по заводу большими толпами с березовыми дубинами. По каковым угрозам, как приказчик Олферов и служители ходить по должности, на них возложенной, не только ночью, но и днем, имеют опасность“.¹

Этот размах движения, при отсутствии войск на заводах, ставил в очень затруднительное положение заводскую администрацию и прежде всего заводского исправника Щудрова и председателя суда Головина. Они несколько раз пытались уговорить рабочих стать на работу и исполнить волю министра финансов о выселении 98 чел. Одновременно с этими уговорами Щудров не переставал бить тревогу перед губернским правлением, чтобы оно выслало войска и приняло меры для предотвращения распространения восстания на другие уральские заводы. В своем рапорте от 22 Ноября Щудров заявил, что „для исполнения решений над ними (98-ми семьями) следует командировать при-

¹ „Дело о возмущении“, т. VI, лист 50.

стойное число воинской команды. А дабы Кыштымского завода мастеровые не могли отлучиться из завода, то сообщить г. начальнику Екатеринбургских заводов в земские суды Красноуфимский, Уфимский, Троицкий... Челябинскому земскому исправнику, уфимскому городничему и горному начальнику Златоустовских заводов и просить, если они рабочие в ведении их окажутся, то они не давать нигде пристанища, тотчас захватить и за строжайшим присмотром обратить в свое жительство".¹ Но поскольку под рукой войск не было, то Пермское горное управление решило еще раз попытаться уговорить рабочих.² С этой целью в Кыштымские заводы были командированы статский советник Федоровский и командир Пермской горной штатной команды князь Ураков. Им было предписано, „чтобы вы по приезде в Кыштымский завод объявили вновь мастеровым 98 чел. указ горного правления и изъяснению в нем высочайшую волю государя императора истолковали им самым внятнейшим образом.“³ Кроме этого было поручено им, во-первых, предупредить мастеровых, что в случае неповиновения они будут подвергнуты „мерами военного понуждения“, и во-вторых, „произвести следствие о возмутительных и буйственных поступках мастеровых Архипа Косолапова, Силантия Рыбина и главного зачинщика расстройств с Рождественского Куприянова сотоварищи“.⁴

На место событий, в Кыштымские заводы, выехали представители Екатеринбургского земского суда (Кашин и др.).

Но горное правление видело, что мерами добровольного увещания ничего не добиться. Об этом красноречиво говорит донесение Пермского берг-инспектора Булгакова министру финансов князю Гурьеву:

„Но, чтоб сею мерою можно было привести означенных мастеровых в должное повиновение я сомневаюсь, тем более, быв окружены ближайшим соседством татар и башкирцев, весьма недалеко от легкомыслия, грубой нравственности и невежества, свойственных сим последним“.⁵

Таким образом, весь правительственный аппарат снизу доверху занял коварную тактику по отношению к восставшим. Наряду с увещаниями рабочих велись спешные закулисные переговоры о стягивании войск. С этой целью Щудрову было предписано, чтобы он кому следует давал провиант. Но Щудровым для рабочих, предназначенных к переселению, было отпущено только 320 $\frac{1}{2}$ пудов провианта с тем условием, что они его получают по прибытии на Богословские заводы.

Пермское горное правление не желало идти ни на какие уступки, требуя беспрекословного исполнения указа о переселении и наказании 98 чел., ибо всякие уступки вселили бы дух уверенности в кыштымских рабочих и дали бы пример для борьбы на других заводах. Об исполнении указа о 98 чел. рабо-

¹ „Дело о возмущении“, т. IV, лист 87.

² До этого был послан заседатель Головин.

³ „Дело о возмущении“, т. IV, лист 45.

⁴ „Дело о возмущении“ т. IV, лист 46.

⁵ Дело берг-инспектора — стр. 145.

чие не хотели и слушать. Когда Щудров 30 ноября этот указ зачитал снова собравшимся на площадь рабочим, то они заявили, что к наказанию 98 семей не допустят и будут об этом жаловаться в Уфу.

В журнале Екатеринбургского земского суда по этому поводу записано следующее:

„Сего числа по-полуночи в 10-м часу назначенные к наказанию и переселению на Богословские заводы мастеровые собрались на площадь у квартиры суда. Суд сделал увещания, дабы из них первые дались над собою исполнить возложенное наказание, а последние (т. е. остальные) исполняли возложенные на них от завода работы. Но они, не хотя сего слушать, быв подстрекаемы находящимися при том вместе с ними первыми зачинщиками возмущения Климентием Косолаповым, Терентием Устиновым и Петром Назаровым к расстройству и неповиновению представленной над ними власти, все единогласно с азартом говорили, что они положение комитета (министров) исполнить над собою не дадут и в работу не пойдут. При чем, просили по положению о непременных работниках, состоящему в 1807 г. 15 марта, выдать им жалование, провиант и фураж. Но как положение до мастеровых, находящихся при частных заводах, не относится, почему им порассказали. Но они не приняли сего за справедливое, зверским образом сказали, что они казенный магазин, в котором находится от завода хлеб, весь разломают. После чего, вскоре войдя они в ограду квартиры суда сего казаков, бывших тут с прапорщиком Поповым на верховых лошадях... (идет перечисление казаков) называли неизвестно за что грабителями, и из числа их первого казака по приказанию Климентия Косолапова и Терентия Устинова мастеровые Петр Назаров, Фенген Модинский, Дмитрий Трифанов, Тимофей Пучанов, Устин Дайбов и Николай Казанкин, стащив с лошади, отняли от него пику и повели неизвестно куда, приговаривая, что они так членов суда, равно и прапорщика Попова с командою свяжут и увезут в г. Уфу. Но по довольному настоянию членов суда казака отпустили.

Напоследок означенный Петр Назаров вскричал, что наказание, которое положено мастеровым за неповиновение, обратят тому, кто его наложил, и все они от суда разошлись в дома свои“.¹

Среди Уральских восстаний начала XIX столетия Кыштымское восстание отличалось тем, что оно имело определенный круг вождей² и единый организационный центр, который находился в доме крестьянина Куренкова и назывался всеми мастеровыми „казенной избой“.

Это обстоятельство позволяет нам сделать вывод о том, что в ходе Кыштымского восстания проявились некоторые элементы организованности, которые являются проявлением общинно-крестьянских отношений.

¹ „Дело о возмущении“, т. II, лист 129.

² Во главе всего восстания стоял Климент Косолапов, затем идут его брат Архип Косолапов, Устинов, Дайбов и др.

На роли „казенной избы“ следует остановиться несколько подробнее, ибо она являлась как бы своеобразным штабом восставших. В доме Куренкова почти всегда находился кто-нибудь из руководителей. В ней иногда созывались совещания. Около дома стоял караул из 4-х человек, вооруженных дубинами. Все руководители восстания и „казенная изба“ ходом событий оказались на правах местной власти, т. к. действия старой администрации были парализованы. Об этом говорит следующий факт: 1 декабря ночью в контору Кыштымского завода явился служащий Нязе-Петровского завода Петр Митрофанов, который заявил, что он прибыл для поимки Никифора Казанкина, укрывшего заводское железо. Казанкина он дорогой не настиг. Поэтому Митрофанов стал просить, чтобы ему разрешили и помогли произвести в доме Казанкина обыск. Но заводская контора отказала ему в просьбе, т. к. она боялась нового возмущения рабочих, да и не имела сил для производства этого обыска. Тогда Митрофанов обратился в „казенную избы“, к Косолапову, который отрядил из караула 2-х человек для производства обыска. Когда они пришли в дом Казанкина, то он закричал, что его грабят, желая этим собрать соседей и вызвать у них сочувствие. Тогда Косолапов прислал еще 10 человек с дубинами. В результате обыска в подполье было найдено 2 пары дверных петель, в амбаре — полоска железа и одна пара сошников. Но никакого заводского железа не было обнаружено. Из этого факта борьбы с воровством видно, что „казенная изба“ являлась известным для всех органом восставших, т. к. Митрофанов обратился за помощью к ней потому, что он знал ее роль во всех мероприятиях восставших и ее местонахождение. Эта же „казенная изба“ во главе с Косолаповым ведала распределением продовольствия среди восставших, которое рабочие захватили при разгроме заводского магазина.¹

„Казенная изба“ во главе с Косолаповым, стремилась разрешить и продовольственный вопрос, который особенно стал обостряться с декабря месяца 1822 г. В области продовольственного вопроса горное правление заняло довольно оригинальную позицию. Исправнику Щудрову было предписано, чтобы он кое-кому в продовольствии не отказывал. Этим самым оно думало хотя на время сгладить острое недовольство рабочих, выиграть время и подготовить войска для открытого подавления. По этому поводу Пермское горное правление доносило берг-инспектору 5 декабря следующее:

„По случаю малого количества находящейся там (на заводах) команды, состоящей в одном офицере, 10 рядовых и 19 чел. башкирцев, над мастерами Кыштымского завода, оказавшимися в неповиновении местному начальству, высочайшую волю исполнить никак не можно. Земский суд губернское правление просит командировать пристойное число воинской команды, т. к. в

¹ В материалах архива есть ведомости на раздачу продовольствия, которые составлены невыработанным почерком с отметк. в виде крестиков и др.

Кыштымском заводе по последней ревизии мужского пола 1769 душ. И к заводскому исправнику Щудрову сообщено и требовано, дабы он кому следует предписал, чтобы в продовольствии мастеровые не могли терпеть никакого недостатка¹.

Из этого ясно видно, что власти по отношению к восставшим проводили политику „кнута и пряника“. Но характер этой политики был прямо таки авантюристский. Дело в том, что несмотря на предписание о выдаче провианта, его на заводах не было. Уже указывалось что по обследованию, проведенному на заводах, в мае м-це всего провианта в наличии было 543 пуда. Этого провианта, при наличии на заводах 2000 душ мужского пола, хватило бы только по 10 фунтов на каждого. Но горное управление и вся заводская администрация это положение скрывали от рабочих, обещая им выдать провиант при условии, если они станут на работу.

Вся эта лицемерная политика была направлена на то, чтобы выиграть время и подготовить войска для подавления. В это время губернское начальство добивалось получения высшей санкции для применения военной силы.

С этой целью все материалы о восстании кыштымских рабочих министром финансов были переданы на рассмотрение комитета министров. Выписка из журнала комитета министров гласит следующее: „Комитет, соглашаясь совершенно с представлением министра финансов, что в подобных случаях должны быть приемлемы безотлагательно решительные меры к прекращению неповиновения и буйства положил представить управляющему министерством внутренних дел снести с дежурным генералом главного штаба Его Императорского Величества, чтобы на Кыштымские заводы купца Расторгуева отправлена была немедленно достаточная военная команда соответственно числу находящихся на заводах мастеровых и чтобы последовавшее предписание, как о наказании виновных в буйстве, так и о переселении из них назначенных 98 чел. на казенные Богословские заводы, непременно со всей точностью приведено было в исполнение. Равным образом, если бы и на других заводах открылось подобное неустройство со стороны заводских людей, то чтобы так же неотлагательно назначаемы были военные команды в таком числе, какое гражданским и горным начальством признается нужным для усмирения буйства.“²

Таким образом, санкция сверху была совершенно ясна. Если до этого берг-инспектор Булгаков спрашивал министра финансов „одною ли силою военной команды приводить в повиновение вышеозначенных бунтующих людей“, то сейчас ответ был получен утвердительный.

Однако войска оказалось собрать не так легко, потому что отдельные гарнизоны были разбросаны по всему Уралу. До прибытия войск пройдет еще два месяца. В это время восставшие стали окончательно хозяевами на заводах. Они во главе с

¹ „Дело о возмущении“, т. IV, лист 50.

² Дело берг-инспектора, стр. 153.

Косолаповым по своему попытались разрешить продовольственный вопрос. 5 декабря рабочие захватили продовольственный магазин и разделили весь захваченный провиант в самом здании заводской конторы. Однако, тактика насильственного изъятия продовольствия из магазинов не получала широкого распространения. Кроме событий 5 декабря мы подобных мероприятий не встречали. Это объясняется тем, что восставшие не хотели ломать рамки существующей тогда „законности“. Они в области продовольственного вопроса избрали другую тактику: путем принуждения заставить заводскую администрацию, чтобы она сама выдала требуемый провиант. Но методы эти не только не складывались в рамки „законности“, но и в корне ломали ее основы, доводили дело до открытой насильственной борьбы с администрацией.

23 декабря в журнале Екатеринбургского земского суда было записано следующее:

„Они оставались в своем невежестве и упорстве, твердили одно и то же, чтобы выдать им провиант, упоминая о терпимом ими голоде. Наконец, 23 числа пополудни в 3-м часу из числа главных виновников бунта Клементий Косолапов со своими сообщниками человек около двести, войдя в комнату г. исправника Щудрова, где находился по делам службы Кыштымской конторы конторщик Гуськов, Косолапов с азартом приказывал своим единомышленникам, имевшим у себя в руках веревки, вязать его, г. Щудрова и конторщика Гуськова, называя его последнего вором, схватили его за ворот. На вопрос о причине такого их буйства и неистовства с азартом отвечали, что за невыдачу провианта поведут его Щудрова с конторщиком в г. Уфу и там представят в начальство, но в какое не объяснили, ибо де они не доверяют вообще всем начальствам Пермской губернии. В предупреждение дальнейших неприятностей, г. Щудров с кротостью уговаривал Косолапова, и между тем через находящегося у него горного казака Егора Пермякова повестил г.г. членов земского суда Головина и Кашина и с тем вместе находящегося с командою в Кыштыме прапорщика Попова. А Косолапов, заметив сие, приказывал строго своему брату Архипу Косолапову с прочими оповестить заводский народ, чтобы оный стекался поспешно к квартире исправника Щудрова. Господа члены земского суда, Головин и Кашин, прибыв вскоре в комнату г. Щудрова вместе с ними убеждали бунтующих мастеровых, во многом количестве собравшихся, а особливо Косолапова и Терентия Устинова... Но ничего не могло подействовать на развращенные их и неистовством зараженные сердца.

Во время сего увещевания прибыл с частью команды солдат г. прапорщик Попов, из которых поставлен был караул к воротам, чтобы преградить вход бесчисленному народу, поспешно сбегающемуся. Народ силою растворил ворота ограды, стеснились в оной и каждый человек, схватив в руки свои рычаги и поленья, кричали. А Косолапов и Устинов с товарищами, человек около двадцати в сенях и в комнате, решительно с азартом говорили, что они ни в какую заводскую Расторгуева работу до

какого-то законного суда не вступят и не выйдут из комнаты, пока не возьмут и не свяжут конторщика Гуськова“...¹

Дело закончилось тем, что Гуськов был вынужден согласиться выдать провиант на три дня для 542 семей и разошлись только тогда, когда получили записку на получение данного провианта.

Из этого очень длинного сообщения видно, что рабочие доходили уже до открытой борьбы с заводской администрацией и местной воинской командой. Но вместе с этим они возлагали очень много надежд на мирное разрешение конфликта, на то, что на их сторону станет „справедливое“ Уфимское губернское правление, на то, что их защитит и рассудит какой-то „справедливый“ суд, о котором они не имели никакого представления, будучи не в состоянии определить даже его местонахождение.

По полученной записке от конторщика Гуськова провиант, несмотря ни на какие требования рабочих, не был выдан. Через три дня после получения записки, т. е. 26 декабря, к 10 часам утра к квартире земского суда собралось под руководством Косолапова 80 чел. рабочих.

„Из числа их,—говорит официальное донесение,—первые трое (бр. Косолаповы и Устинов) выйдя с азартностью требовали выдать им по данной 23 числа в квартире г. заводского исправника Щудрова записке хлеб. А как таковая записка дана была им во время производимого ими буйства для усмирения их и во избежание произвести дальнейшие неприятности, с потерей жизни могущих быть сопряженными, почему им отказали“. Им было заявлено, что хлеб не будет выдан до тех пор, пока они не выйдут на работу. „Но они не приняв сего в уважение, с грубостью и необычным криком отвечали, что они присутствие сие считают незаконным, а господ исправника Щудрова и заседателей Головина и Кашина не выпустят из присутствия до тех пор пока они не прикажут выдать хлеб. И, наконец, по довольно уже от господ членов увещевания из присутствия вышли 4 ч. пополуночи и разошлись все по домам“.² Таким образом, в результате 6-ти часовых настойчивых требований восставшие ничего не получили. Между тем, продовольственные затруднения были настолько велики, что рабочие стали прибегать к подавниям. 27 декабря в 7 час. утра 250 чел. на своих подводах отправились из Верхнекыштымского завода в Каслинский, куда они прибыли в 11 час. и „нераздельно друг от друга обошли все улицы под видом испрошения подаяния на пропитание“.³

К вечеру того же числа рабочие возвратились. Как видно, рабочие, собирая подаяния, одновременно добивались присоединения рабочих Каслинского завода.

Так рабочие стремились разрешить продовольственный вопрос, который в ходе восстания занимал большое место, толкая восставших на открытую борьбу с заводской администрацией. Второй вопрос, который занимал умы восставших, был, как мы

¹ „Дело о возмущении“ т. IV, лист 90.

² „Дело о возмущении...“, т. V, лист 122.

³ Там же, т. V, лист 122.

видели, вопрос о выселении 98 чел. на казенные Богословские заводы. Нужно прямо сказать, что эти два вопроса, т. е. вопрос продовольственный и вопрос о выселении 98 чел., были двумя основными мощными рычагами, которые раскачивали восставших, толкали их дальше на открытую борьбу с представителями правительственной и заводской администрации.

Как разрешился вопрос о выселении 98 человек?

Мы видели, что для исполнения указа о выселении 98 чел. были посланы в Кыштымский завод Федоровский и Ураков, но они ничего не добились. По этому вопросу Булгаков доносил гражданскому губернатору следующее:

„Советник Пермского горного правления г. статский советник Федоровский и полковник Ураков от 14 числа сего декабря м-ца доносят, что они по прибытии в Кыштымский завод употребили все, какое только можно старание: толковали внятнейшим образом, как мастеровым, так и крестьянам (причем, читали законы и высочайший манифест 29 Января 1797 г. о повинующихся помещикам крестьянам). Вразумляли и убеждали их, чтобы вышедши из заблуждения и выбросив из голов своих укоренившиеся в них какие-то ложные мысли, обратились к своей обязанности, к должностному повиновению. В противном случае для обращения их к тому правительству вынуждено будет истребовать воинскую команду и поступить с ними по всей строгости законов. Но все их вразумления и убеждения тщетны, мастеровые и крестьяне остаются непреклонными к повиновению“...¹

Поэтому Федоровскому и Уракову делать в заводах было нечего и они, опустив руки, просились возвратить их обратно в Екатеринбург. Они доносили горному правлению, что „крестьяне теперь таки, никаких своевольств и буйств не оказывают, исключая, что не идут в работу и не допускают исполнения над обыкновенными высочайшую волю государя императора. Такое неповиновение пресечь может только единственно воинская команда“.²

Однако, поскольку войск еще не было, Федоровский и Ураков не были отозваны обратно. Хотя они и доносили, что рабочие никаких своевольств не чинят, но это было только с внешнего вида. На самом деле рабочие, приостановив все заводские работы, готовы были выступить с еще более грозной силой, которая приведет к бегству всей администрации с заводов, к аресту ряда чиновников и к захвату заводов.

Такой перелом в ходе восстания наступил в Январе 1823 г., когда движение на Кыштымских заводах стало более решительным и начало распространяться вширь, захватывая все окружающие заводы. Этот перелом был подготовлен всем ходом предыдущих событий, распространением агитации, взятием подписок о присоединении к кыштымцам и др. Толчек к перелому дали, указанные выше продовольственные затруднения. 2 Января 1823 г. в 11 час. вечера подошла толпа к зданию суда и потребовала

¹ Дело берг-инспектора, стр. 164.

² „Дело о возмущении“, т. V, лист 120.

выйти к ней начальство. Им зачитали указ горного правления от 25 Декабря о невыдаче жалования и провианта до тех пор, пока не будет выполнен указ о выселении 98 чел. Это явилось причиной необычайного возмущения рабочих. В журнале земского суда записано, что „они выходя из присутствия, с азартом сказали, что сюда в Кыштымский завод будут сходиться со всех заводов, принадлежащих Расторгуеву и из сел Воскресенского и Рождественского до восьми тысяч человек (что уже с Каслинского завода прибыло не менее 250 человек)“.¹

Но когда члены суда вышли к восставшим, „то вдруг из числа сих людей мастеравые Косолапов, Устинов и Хорошенин схватив заводского исправника Щудрова, потащили при помощи прочих во множестве людей в квартиру Косолапова, а заседателя Кашина из толпы все толкали в грудь...

Приведя его (Щудрова) в дом Косолапова, в называемую ими контору, заперли в комнату и приставили к дому во многочисленном количестве свой караул“.² Члены суда и вся инвалидная воинская команда следовали за Щудровым вплоть до квартиры Косолапова, а рабочие „членам сего суда с произношением грубостей с азартностью кричали, чтобы они с командою возвратились в свое место“.

Одновременно с арестом Щудрова движение стало распространяться на другие заводы. Тогда же 2 Января Каслинская заводская контора доносила, что заводские люди „собрались во многочисленном количестве, толпami приходили в дом приказчика Блинова, говоря ему, что согласно предписания г. Пермского берг-инспектора данного жалования и провианта считают недостаточным, требуя сверх сдельной за выплавку чугуна платы особое жалование и снабжение вачегами... Но они, не внемля ничему, делали разные толкования, пошли в числе двух сот человек по дороге, лежащей в Кыштымский завод“.³

Случаен ли тот факт, что перелом в ходе восстания на Кыштымских заводах совпадает с распространением восстания на другие заводы. Нет, не случаен, т. к. организационный центр движения во главе с Косолаповым подготавливал это восстание на других заводах. О том, что решительное выступление кыштымцев поддержат рабочих других заводов знали и не скрывали сами восставшие, заявляя при аресте Щудрова, что „сюда в Кыштымский завод будет сходиться со всех заводов“.

Таким образом, арест Щудрова в Кыштыме и поднятие восстания на новую высшую ступень организационно были подготовлены руководителями восстания во главе с К. Косолаповым.

С января месяца 1823 г. рабочие являются фактическими хозяевами Кыштымских заводов, которые превратились в центр движения, влиявший на рабочих окружающих заводов.

Восставшие перешли к более решительным действиям. Так, в жалобе на имя императора Александра I, поданной в декабре 1822 г., рабочие писали, что „неоднократно мы призваны были

¹ „Дело о возмущении“, т. V, лист 124.

² Там же.

³ „Дело о возмущении“, т. V, лист 124.

к присутствию земского суда и на квартиру к ним — Горного правления членам. Обо всем нашем голоде и претерпеваемых обидах словесно говорили, но нам обвинения не предъявили, а только от господ происходят слыханные нами речи“.

В то время как начальство ограничивалось одними словесными уговорами, восставшие оставались голодными. Правда, они пытались своими силами разрешить продовольственный вопрос путем сбора продуктов и денег для поддержки бедных „мастеровых“. Но это не могло продолжаться очень долго и дать реальных результатов.

Одновременно с арестом Щудрова движение стало распространяться на другие заводы. В тот же день Каслинские рабочие, не добившись повышения оплаты, прекратили всякие заводские работы и около 200 человек направились по дороге в Кыштым для того, чтобы подать жалобу на имя царя. В Кыштыме каслинские рабочие были приняты очень хорошо: их разместили неподалеку от так назыв. „Казенной избы“, обеспечили питанием и т. д. Возвратившись из Кыштыма, каслинские рабочие уже не возобновляли больше работы, став заодно с кыштымцами.

С 6 января 1823 года к движению примкнули и крестьяне села Воскресенского, которые были приписаны к Каслинскому заводу. Воскресенские крестьяне жаловались, что заработная плата у них очень маленькая, из-за чего они „последний год употребляли в продажу последний свой скот“, чтобы исправлять работы. Особенное недовольство крестьяне выразили по отношению к исправнику Каслинского завода Блиновскому, который заставлял крестьян под заработанные деньги получать разный мелкий товар и харчевой припас, за работу на лошадях платил только половину платы, издевался над крестьянами, вырывая у них бороды, усы и волосы с головы.

С 18 января кыштымских рабочих поддержали и рабочие Нязе-Петровского завода, которые, прекратив все заводские работы, кроме одной домны, отправили в Кыштым 104 своих представителей, последние должны были подать жалобу находящемуся там земскому суду. В самом Нязе-Петровском заводе после прекращения работ рабочие толпами ходили по улицам, собирались в доме своего вождя Савелия Харламова, записывали свои имена в список лиц, которые обязывались стоять за одно с кыштымцами, внося денежный взнос для помощи бедным „мастеровым“. Напуганные выступлением рабочих, приказчик Сырейщиков и конторщик Бакуев, оставив заводскую контору „без всякого присмотра, бежали ночью в Екатеринбург. На всех въездах и выездах в Нязе-Петровск рабочие установили свои караулы. Когда прибывшие от Пермского берг-инспектора Булгакова представители попытались уговорить рабочих, то рабочие, единодушно заявили, что „ни под каким видом в работы до решения дела о мастеровых Кыштымского завода не пойдут“.¹

Это еще лишний раз показывает, как рабочие изумительно единодушно выступили в защиту 38 кыштымских рабочих.

¹ Из рапорта Сушина, том VIII, лист 35.

Кроме этого требования, говорящего о защите 98 кыштымских рабочих, нязе-петровские рабочие выставили еще два требования. Во-первых, чтобы им выдали всю причитающуюся заработную плату и хлеб, во-вторых, чтобы уволили с завода прежнее начальство, которому они выразили полное недоверие.

Так с присоединением нязе-петровских рабочих, движение достигло вершины в своем развитии. Теперь число восставших исчислялось в несколько десятков тысяч, охватив два Кыштымских завода, Каслинский и Нязе-Петровский заводы, окрестные села: Воскресенское, Рождественское и др.

Но, несмотря на расширение восстания, чиновники, находящиеся в Кыштыме, никаких мер для удовлетворения требований крестьян и рабочих не принимали. Поэтому рабочие стали переходить к мерам принуждения заводской администрации, чтобы заставить ее пойти на уступки. Но каждый шаг своих действий рабочие стремились законно оформить, чтобы их никто не мог обвинить перед лицом „высшего начальства“. Для этого они стремились у заводской администрации вырвать из рук нужные им документы. Так вслед за арестом исправника Щудрова в Кыштыме был произведен арест члена земского суда Головина, от которого рабочие потребовали выдать копию с указа Пермского берг-инспектора от 25 декабря 1822 года. „О запрещении выдавать провиант „мастеровым“. Только после того, когда секретарь суда Грехов представил требуемую копию с указа, Головин был освобожден. Но напуганный арестом и решительностью действий восставших, он в ночь на 10 января 1823 года тайно бежал из Кыштыма, не доложившись даже князю Уракову и Федоровскому, которые не решались покинуть Кыштым только из-за страха перед лицом „высшего начальства“.

После получения копии с указа берг-инспектора, восставшие решили добиться другой копии с указа 1807 года — „О непременных работниках и приписных крестьянах“. Когда чиновники суда отказались выдать копию этого указа и когда в завод неожиданно для рабочих прибыла дополнительная военная горная команда, то 10 января Клементий Косолапов с толпой рабочих окружил каменный двухэтажный господский дом, где остановились прибывшие для уговоров Ураков и Федоровский. Рабочие приступом по двум лестницам взяли второй этаж, прибывшая военная горная команда пыталась, штыками преграждая вход в квартиру Уракова, разогнать рабочих. Но рабочие, ударив в набат, собрали массу народа. Федоровский и Ураков вынуждены были пустить рабочих в квартиру, где рабочие категорически требовали, чтобы им был выдан указ „О непременных работниках“, угрожая арестом Федоровскому и Уракову. Последние, вместе с пришедшим секретарем Греховым, обещали выдать указ завтра. Косолапов в присутствии всех заявил, что у квартир Федоровского, Уракова и Грехова будут расставлены караулы, чтобы никто из них не мог скрыться. „Придя домой, — сообщает Грехов, я таковой действительно обнаружил на улице, во дворе, в ограде, в сенях и даже в комнате“.¹

¹ „Дело о возмущении“, том II, лист 169—172.

Когда на следующий день чиновники отказались выдать указ, то Косолапов снова собрал большую толпу мастеровых и крестьян, которые в 12 часов ночи окружили здание земского суда со всех сторон, расставили караулы, а сам с группой товарищей вошел в присутствие суда. Находившимся здесь чиновникам было заявлено, что если они не выдадут указ 1807 года, то будут закованы „в ножные и ручные кандалы“.¹ Одновременно с этим, рабочие самовольно приступили к отысканию указа. Когда Косолапов отыскал секретаря Грехова, который накануне обещал выдать указ, то он с рабочими схватил Грехова и повел в кузницу для того чтобы заковать его в кандалы. Только, тогда „подлинное положение“ было выдано восставшим. Однако, Косолапов не снял караула и продолжал держать под наблюдением все начальство. Когда напуганные движением, Ураков и Федоровский попытались уехать в Каслинский завод, то они были задержаны. Только по разрешению Косолапова Ураков и Федоровский 13 января были отпущены в Каслинский завод, откуда они проехали в Екатеринбург.

Так на заводах не осталось никакого начальства, кроме прапорщика Кузнецова, прибывшего с горной командой, и земского суда. Но они ничего не предпринимали и бездеятельно „отсиживались“. Об этом признается и сам земский суд в своем донесении, говоря, что он (суд) „обезоружен до такой степени, что не только не в силах удержать от своевольства мастеровых, но принужден и должен исполнять все их требования“.²

Рабочие даже приготовились арестовать в случае приезда берг-инспектора Булгакова, для которого в доме Косолапова была отстроена специальная комната, которую рабочие прозвали „берг-инспекторской“.

Однако, восставшие пока ничего не добились: продовольственные затруднения оставались неразрешенными, указ о регламентации работ и их оплате не был издан, долги рабочих заводскими конторами не были погашены и т. д. Реальных успехов нет, а время шло — боевой дух уходил. Между тем, по заводам и восставшим селам стало разноситься зловещее известие о приближении воинских частей численностью в 7000 человек.

Рабочие думали оказать вооруженное сопротивление этим войскам. Не зря однажды Косолапов в присутствии большого количества „мастеровых“ заявил, что против идущих войск рабочие откроют огонь и живыми не сдадутся. Так было заявлено и вызванным в дом Косолапова секретарям Греховым (Якову и Александру) и Кузнецову, которые по указанию Косолапова должны были сдать оружие, находящееся у горной команды, а сами в случае прибытия войск командовать вооруженными мастеровыми. В другой раз тот же Косолапов заявлял, что „если их не рассчитают и не удовлетворят причитающимся количеством за работу денег, а, приведя команду, вместо хлеба станут кормить пулями, то убийств будет много“.³

¹ „Дело о возмущении“.

² Том II, лист 367.

³ Там же

Однако, дальше этих заявлений о готовности вооруженного сопротивления войскам рабочие не шли и к вооруженному сопротивлению не готовились. Наоборот, они даже 30 января, когда дело уже явно близилось к развязке и войска приближались, собирались в количестве 2000 человек вместе с исправником Щудровым отправиться к Оренбургскому военному губернатору, надеясь получить от него снисхождение.

Наконец, к февралю 1823 года царское правительство приготовило в боевую готовность стянутые войска и готово было приступить к подавлению восстания.

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Главным душителем восстания царское правительство указом министра финансов князя Гурьева назначило Пермского берг-инспектора Булгакова, который получил чрезвычайные полномочия и должен был выехать на место восстания в Кыштым. Но он сумел доехать только до Сергинского завода, где Булгаков узнал, что в Кыштым проехать нельзя, так как на всех дорогах были расставлены караулы восставших. К тому же на месте уже никакого начальства не было и без войск там делать было нечего. Поэтому Булгаков проехал Екатеринбург, решил там собрать войска и во главе их вступить в заводы. Из Екатеринбурга берг-инспектор сделал срочный запрос Оренбургскому военному губернатору, чтобы он спешно откомандировал войска для подавления. Кроме того, Булгаков попросил гражданского Пермского губернатора принять меры на случай распространения восстания вширь. Ретивый губернатор сразу же по всем селам, примыкающим к району восстания, раставил казачьи разъезды. Сам Булгаков для подавления восстания привлек Пермский и Верхне-Уральский батальоны. Место сосредоточения всех войск было назначено в селе Кулябинском, куда уже 5 февраля вступили Троицкий батальон и башкирские казачьи кантоны, которые были присланы Оренбургским военным губернатором.

На следующий день указанные войска вступили в Каслинский завод. Поскольку большинство рабочих этого завода ушли в Кыштым, то войскам никакого сопротивления оказано не было. Отказавшихся вступить в исполнение работ около 70 человек арестовали, а одного из них, Василия Столбикова, наиболее энергично отказывавшегося работать, на виду у всех наказали розгами.

Из Каслинского завода Булгаков с войсками ударил на центр восстания — Кыштым. Однако, он боялся как бы кыштымцев не поддержали рабочие Нязе-Петровска и не отправились в Кыштым через Уфалейский завод. Поэтому Булгаков дал распоряжение заводскому исправнику Уфалейского завода Лонге, чтобы он не пропускал через Уфалейский завод нязе-петровских рабочих. Для этого в Уфалейский завод купцов Губиных была послана казачья команда из 200 человек. Опасения Булгакова оправдались. 8 февраля нязе-петровские рабочие отправились в Кыштым. Несмотря ни на какие уговоры, они дошли до Уфалейского завода, „быв вооружены дубинами, крича беспрестанно

„грабят, бьют“. Рабочие сумели пройти через Уфалейский завод, но при выходе из него они наткнулись на казачью команду, подходившую к Уфалейскому заводу. Рабочие вынуждены были возвратиться. В Нязе-Петровске „для устрашения других“ 14 человек из них были наказаны лозами по 25 ударов.

Когда Булгаков с войсками выступил из Каслинского завода, то вождь восставших Косолапов, не желая зря проливать кровь, отправился к Булгакову с подачей жалобы. В пяти верстах от Каслинского завода он был схвачен казачьим разъездом и законный в цепи отправлен в Екатеринбург.

Так Кыштымские рабочие лишились своего любимого и верного вождя.

11 февраля войска вступили в Кыштым: в авангарде ехала команда башкирцев (казаков) из 500 человек; далее шла пехота—вторая рота Верхотурского батальона, за которой с поспешностью следовали два артиллерийских орудия; в арьергарде шла половина Пермского батальона и ехала команда башкирцев из 130 человек. Всего в Кыштым вступило 2500 чел. пехоты и 630 казаков. Ехали они, как завоеватели Кавказа. Боясь неожиданного нападения, они поместили обоз с орудиями в центр, имея по бокам конные отряды башкирцев.

Кыштымские и каслинские „мастеровые“, воскресенские и рождественские крестьяне, прищуривая глаза от ярких, но не греющих лучей зимнего солнца, недоверчиво переглядывались друг с другом, кивая головами на стройно-шагающие по улицам Кыштыма воинские части. Когда армия дошла до заводской конторы и, выделяющегося белизной, на фоне грязных покосившихся избушек мастеровых, двух-этажного дома, то она встретила две огромные толпы, которые стояли по бокам улицы, давая проход войскам. Рабочие и крестьяне жались ближе к заборам, держа в своих руках иконы—знак их полного повиновения и невинности. На вопрос Булгакова,—зачем они здесь собрались?—мастеровые в один голос ответили, что они были Расторгуевым доведены до голодной смерти и прекратили работы только потому, что продолжать их были уже не в силах. По случаю праздничного дня Булгаков распустил толпу по домам, предупредив ее, чтобы больше рабочие не сходились толпами на улицах. Всюду были расставлены конные разъезды и пешие патрули.

Через несколько часов после прибытия войск, руководители восстания во главе с Архипом. Косолаповым обсуждали в его доме создавшееся положение. Поздно ночью дом был окружен войсками, все арестованы и жестоко наказаны розгами. На следующий день на обширный двор, обнесенный каменной стеной, свели всех арестованных ночью. Их оказалось 513 человек (из них 256 чел. мастеровых Кыштымского завода, 139—Каслинского и 118 чел. крестьян села Воскресенского). Всех их окружили войсками и начали уговаривать. Долго и шумно они выражали свое несогласие работать даром, пока солдаты не взяли ружья на перевес и не стеснили всех в кучу. Только тогда когда несколько человек на глазах у остальных были наказаны палками, рабочие согласились возобновить работу.

Таким образом, рабочие не оказали вооруженного сопротивления войскам, о котором они так много говорили. Это объясняется тремя причинами: во-первых, восставшие до последнего момента не покидали мысли о мирном исходе борьбы. Поэтому они и не шли дальше разговоров о вооруженном сопротивлении, на деле не ведя к нему никакой подготовки. Во-вторых, сам вождь К. Косолапов, будучи довольно умным и предусмотрительным человеком понимал, что борьба будет неравной и закончится только кровопролитием, так как у рабочих нет оружия.¹ В-третьих,— сами прибывшие войска держались осторожно и ограничившись розгами, не рискнув расстрелять рабочих.

Теперь, когда войска были налицо, Булгаков приступил к выполнению указа о наказании и выселении на Богословские заводы 98 человек. Все они были наказаны по 25 палочных ударов и двумя партиями высланы под строжайшим конвоем на казенные Богословские заводы. Однако, когда отправляемые проходили в последний раз по своему родному Кыштыму, то на улицы провожать их вышли почти все „мастеровые“, их жены и дети. Конвой был смит и „порядок“ был наведен только тогда, когда Булгаков на улицы вывел все свои войска.

В это время по всем окрестным селам рыскали казачьи разъезды, свистом плетей и розог наводя полный „порядок“. После отправки 98 человек на Богословские заводы, продолжали не выходить на работу крестьяне села Рождественского, которые первые начали восстание. Булгаков, оставив часть войск в Кыштыме, 19 февраля отправился в село Рождественское, где его крестьяне встретили в двух въездах в село с иконами в руках. Но несмотря на это, они были разогнаны передовыми отрядами казаков, главари были арестованы. Всюду были расставлены караулы и казачьи разъезды. Все крестьяне были собраны в указанное место. Из 550 человек явилось 430, все они были окружены войсками. Однако, крестьяне наотрез отказались выполнять всякие работы на Расторгуева, если их по указу 1807 года не снабдят продовольствием и провиантом. В ответ на это Булгаков заявил, что „они, как люди крепостные с давнего времени, не могут пользоваться теми пособиями, какие дарованы означенным положением“. Но уговоры не действовали и шум продолжался. Тогда Булгаков схватил самых „буйных“ крестьян и наказал их розгами. Однако, это не дало никаких результатов. Тогда он стал сечь подряд кого попало. И только, тогда когда было наказано около 90 человек, крестьяне уступили и согласились выйти на работу.

Так восстание всюду было подавлено. После 3-х месячной остановки заводы снова заработали, снова каждое раннее утро „мастеровые“ и их жены нехотя отправлялись на каторжный труд. Возвращались они уже темно, поздним вечером, радуясь ночному отдыху, охотно сбрасывая со счетов своей жизни день за днем и год за годом.

¹ Разговоры о разоружении военной команды остались только разговорами.

В первых числах марта Булгаков с войсками возвратился обратно в Екатеринбург. Оставалось только поймать одного из главных руководителей восстания, которому К. Косолапов передал свои дела и который сумел во-время скрыться. Это был Терентий Устинов, на поимку которого был выслан специальный военный отряд. Только 14 апреля Устинов был схвачен в пяти верстах от Кыштыма в полевой избушке на озере Тайге. Теперь все руководители восстания были арестованы (их оказалось 28 человек). На них было заведено специальное судебное дело. Начались следствия и допросы. Многие отказались подписывать свои показания, а Клементий Косолапов наотрез отказался отвечать на какие-либо вопросы судебных следователей. Чтобы убедиться в твердости и непоколебимости этого волевого человека приведем полностью выдержку из допроса: „Клементий Косолапов — говорится там,— от роду 33 года, грамоте учен, у исповеди по старообрядству бывает. Под судом и в штрафах не бывал. Кыштымского купца Расторгуева крепостной крестьянин. Уездному суду он ни на какие вопросы не ответил, заявив, что не только сей уездный суд он подозревает, но даже и всей Пермской губернии о господах чиновниках имеет сомнение. Отвечать будеть он там... чиновникам, которые будут присланы от высшего начальства“.

Сам Косолапов из тюрьмы бежал, и, по рассказам, был около Кыштыма смертельно ранен в перестрелке с отрядом, посланным на его розыски. Остальные руководители вместе со всеми „мастеровыми“ в колич. 141 человек были привлечены к суду. Суд разбирал дело 15 февраля 1826 года, приговорив 21 человека к наказанию палками и розгами, а 11 человек к ссылке в Сибирь. Этот приговор в 1830 году был утвержден правительствующим сенатом.

Так палачи царского самодержавия расправились с восставшими. Но, однако, их борьба не прошла даром, она научила многие поколения, что нельзя добиться победы без оружия в руках. Оставив глубокий след в сознаний поколения, кыштымские „мастеровые“ пострадали это на своем собственном опыте. Но их страдания не прошли даром. Мы сейчас с великой гордостью можем сказать, что их борьба за свободный и счастливый Урал не исчезла бесследно: пролетариат всей России в 1917 году с оружием в руках опрокинул в пропасть залитую кровью телегу Романовской династии и на место Урала крепостнического создал новый, социалистический Урал.
